

Глава вторая

Вместо того чтобы, повинувшись приказу командира, маршировать дальше, «смотреть только вперед и не отвлекаться!», Эрис уселась на лавочку.

Весь день она собирала налоги в Верхнем квартале Кешгиума, а теперь должна была отправиться в Нижний, но от мысли о сборе денег у беженцев, лишенных крова над головой, во рту разлилась горечь. Да и снаряжение усложняло задачу. От длинных перчаток чесались руки, кожаная броня так стиснула грудь, что было трудно дышать, а тяжелые мешочки, набитые монетами и висевшие у нее на поясе, тянули к земле. Мало того, приходилось таскать с собой громоздкую и ненужную алебарду, да и после преодоления семисот из девятисот двадцати трех ступенек, ведущих от Верхнего квартала к Храму, дыхание у Эрис сбилось.

Вдоль ступенек стояли известняковые лавочки для тех, кто захочет передохнуть по пути. Как правило, на них усаживались

старики в тяжелых и пышных одеяниях из шелка и золота либете, у кого было вдоволь времени. Эрис ни под одно из этих описаний не подходила. Прислонив алебарду к стене, она упала на лавочку, жадно вдыхая пыльный, сухой воздух.

В этом городе, который куда больше походил на пустыню, не было ни дерева, ни зелени, ни цветочка. Кешгиум и окружавшие его поля пришли в упадок за десять лет, пролетевших с тех пор, как Эрис с семьей сбежали с фермы. Смотреть на иссушенные, опустевшие земли не было нужды — толпы разоренных фермеров, томящихся у городских ворот, говорили сами за себя.

Здесь же не происходило ничего. Беженцам запрещалось покидать Нижний квартал. За этим зорко следили два отряда стражников, приставленных ко входу.

Раздался вечерний звон колокола, и обитатели Верхнего квартала заспешили вниз по лестнице — ужинать. У Эрис оставался всего час на доставку собранного налога, чтобы Виктория не прознала об опоздании. Но девушка наслаждалась мгновениями тишины. Она закрыла глаза, воскрешая в памяти зеленый лесной мох, трещину в горе, тень, возвышавшуюся вдали.

— *Вор!* — крикнул кто-то.

Тощая фигура — не человек, а сущий скелет! — спешила вверх по ступенькам. Алые руки сжимали ношу, еще сильнее перепачканную кровью. Эрис с трудом поднялась на ноги и ухитрилась толкнуть вора плечом, несмотря на свое скованное положение.

Человек оказался даже легче, чем она думала. От удара его отбросило назад. Эрис попыталась было схватить его за руку, но та была скользкой от крови, и незнакомец упал на белые известняковые ступеньки Храма, оставив на них алые полосы.

Гадая, чья это кровь — вора или, может, еще кого-нибудь, — Эрис неуклюже поспешила следом. Мешочки с золотом позвякивали на каждом шагу.

— Вы ранены? — спросила она, приближаясь к незнакомцу. Теперь стало проще рассмотреть, что же он держит в руках. Желтый жир, кусочки розовато-серой плоти, позвонки, сухожилия. Шмат сырого мяса — вероятнее всего, баранины, — причем далеко не лучший.

К ужасу Эрис, человек жадно откусил кусок.

— Стойте... — потрясенно сказала она, но тут на лестнице показался еще один человек с длинной палкой. Он проворно подбежал к упавшему и принялся его бить.

— Вор, вор, вор! — приговаривал человек с палкой между ударами. Упавший же, казалось, не замечал боли. Все его внимание было занято поеданием мяса, которое он держал в руках.

Эрис ловко перехватила палку.

— Перестаньте.

Напавший обернулся, метя свободной ладонью в щеку Эрис. Девушка вовремя пригнулась и ловким движением выхватила из ботинка кинжал, а потом резко приставила его к шее мужчины с палкой.

— Держите себя в руках, — велела она, стараясь говорить тем самым бесцветным голосом, который еще несколько лет назад отточила Виктория.

Человек задержал взгляд на эмблеме Вечного древа, выбитой на броне Эрис, и тут же отпрянул и выпустил палку.

— Прошу прощения, стражница! Я Тассус, мясник из Нижнего квартала. Вы, должно быть, слышали обо мне. Я поставляю в Храм немало...

С губ Эрис едва не сорвался громкий вздох. Стражницей она не была — просто служила в гвардейской пехоте, — но исправлять мясника не было нужды. Девушка присела, спрятала кинжал в ботинок и обратилась к незнакомцу с окровавленными руками.

— Сэр, как ваше имя?

Тот моргнул и проглотил еще один кусок сырого мяса.

— М... Мэтью.

— Плевать, как его зовут! — воскликнул Тассус. Зеваки, идущие мимо, стали сбавлять шаг и вытягивать шеи, чтобы получше разглядеть, что же происходит. Они жадно ловили каждое слово. Тассус заговорил еще громче ради пущего эффекта: — Он украл у меня баранину! Порцию, которую я выделил для своей семьи...

— Пощадите, — взмолился Мэтью. — Я не ел двенадцать дней.

— А мое какое дело? — спросил Тассус и еще сильнее разъярился. — Я же и сам беженец с погибших полей. Моим овцам нечего есть — и мне тоже. Но *я же* до воровства не опустился! — Он повернулся к Эрис: — Стражница, арестуйте его!

Плечи Мэтью поникли. Он встал на колени перед Эрис, схватившись за седеющие волосы.

— У меня не было выбора, — прошептал он. Под тонкой, как бумага, кожей на спине дыбились позвонки.

Выглядит точь-в-точь как отец когда-то.

Эрис сжала руку Мэтью и подняла его на ноги.

— Пойдемте со мной, — велела она и потянула его за собой, вниз по ступенькам.

— Стражница, — глупо улыбнувшись, подал голос Тассус, — при всем уважении: Храм наверху, а не у подножия лестницы!

— Поглядите на него. Подъема по лестнице он не переживет, а тащить на себе труп я не собираюсь. Мы отведем его в Храм вместе с другими стражниками. Довольны?

— А что насчет компенсации?

Эрис кивнула на обглоданный скелет в руках Мэтью.

— Хотите забрать?

Тассус поморщился.

— Нет.

— Что ж, тогда считайте за убыток, — подытожила девушка, таща за собой Мэтью мимо толпы зевак. — Вероятно, в будущем стоит повнимательнее приглядывать за товаром.

Она повела Мэтью по посыпанным гравием улочкам Среднего квартала, мимо домов из камня и дерева. На нижних этажах располагались магазинчики — торговцы шумно зазывали покупателей, нахваливая свои изделия из шелка и посуду из обожженной глины. Зажиточных торговцев легко можно было определить по белой известняковой краске, которой были покрыты сделанные на заказ двери. На этом блестящем фоне выделялись профили двух королей, выведенные красным. И пускай владельцы этих магазинчиков жили богаче других, нанять постоянную прислугу им было не на что, поэтому двери потемнели от грязи и пыли, но все же не перестали быть статусным символом.

Чем ближе они подбирались к Нижнему кварталу, тем непригляднее становились улицы. Магазинчики тут были ветхими и держались только благодаря бечевке и строительным лесам. Между ними едва можно было протиснуться. Исхудавшие овцы плелись на бойню, подгоняемые мясниками, — из-за этой процессии прохожим приходилось плестись чуть ли не с черепашьей скоростью. Эрис лавировала меж пустых корзин, которые в пору бы было наполнить специями и сушеной рыбой. В воздухе висел душливый запах масла и дыма. Девушка зажала нос ладонью.

По дороге Мэтью не упирался — точно заранее смирился со своей судьбой узника. Эрис мысленно возблагодарила двух королей. Начни он противиться, она бы, чего доброго, случайно сломала ему кости.

Она завела его в укромный уголок по соседству с западными воротами в город. Здесь было просторно — уместились бы трое, — и она прекрасно его знала: тут Эрис порой дремала, если во время дежурства толком ничего не происходило, иногда — с любовником или даже с двумя.

— Кем вы были до того, как это все началось? — спросила девушка, обернувшись, чтобы удостовериться, что никто их не подслушивает.

Мэтью рассеянно уставился на нее. Эрис разглядела его увечья: гнойные раны на шее, длинные алые рубцы на руках. Следы побоев уже начали проступать.

— Хозяином конюшни, — ответил он, устало кивнув куда-то за городские стены. — Мы сеяли, сеяли, а урожая не было. Вот лошади и умерли. Мы их съели. А потом явились сборщики. Я пришел сюда год назад, но куда там. Сейчас нас здесь пруд пруди.

Если ему не помочь, он умрет. Внезапная мысль заставила Эрис схватиться за мешочек, висящий у нее на поясе.

— Держите, пригодится, — сказала она и достала из мешочка кожаный кошелек размером с кулак. Один из аристократов Верхнего квартала швырнул ей этот кошелек, когда Эрис пришла за деньгами, и она непременно лишилась бы зубов, если бы не проворные рефлексy. Теперь же деньги лежали на ладони Мэтью. Пересчитывать монеты не хотелось. Они все ему понадобятся.

— Ступайте поешьте как следует. В богадельне вам обрабатывают раны, но там сейчас все под завязку, так что придется немного потерпеть. Если вас начнет рвать, поищите Констанцию. Она поможет.

Мэтью взвесил кошелек на ладони. Монеты в нем звякнули.

— Да здесь не только на обед хватит, стражница.

— Я не стражница. Зовите меня Эрис. И тратьте деньги с умом.

На его удивленные глаза навернулись слезы, а губы тронула улыбка. Он с такой силой сжал кожаный мешочек, что костяшки побелели. Потом схватил руку Эрис и поцеловал ее.

— Спасибо, — прошептал он.

Эрис покачала головой и отстранилась.

— Надеюсь, это поможет вам продержаться какое-то время, — проговорила она. — Если будет на то воля двух королей, нагрядят они нас щедрым урожаем в грядущий год.

— Да хранят вас два короля, — сказал Мэтью. — Клянусь их именем, что никогда не забуду вашу доброту.

— Лучше поклянитесь больше не есть сырого мяса, — со слабой улыбкой попросила Эрис.

Едва Мэтью скрылся в узких улочках квартала, сверху вдруг посыпались камешки, забарабанив по броне Эрис. Она вскинула голову и увидела за стайкой жаворонков ребенка, который тут же кинулся бежать со всех ног.

Внутри все сжалось. Да, Виктория не раз говорила, что у нее «глаза повсюду», но Эрис и не подозревала, что среди доносчиков есть дети.

Она выбралась из своего укрытия, прячась за тележкой, груженной корзинами с сушеной рыбой. У западных ворот столпилось несчетное множество фермеров, ищущих убежища. Огромные двойные двери охранял отряд стражников, а рядом стоял деревянный стол, за которым восседал чиновник. Фермеры теснили стражей безуспешно, но упрямо, а те отгоняли беженцев копьями, оплетенными кожей, и мечами, спрятанными в ножны. Такие вот толпы стояли у ворот, сколько Эрис себя помнила, — ее семья тоже была в числе беженцев десять лет назад, и с тех пор правители города палец о палец не ударили, чтобы исправить их бедственное положение. Виктория и сама уже напрочь позабыла страх остаться без крова над головой в пучине города, который ее никогда и не манил.

Виктория... Может, лучше рассказать, что она отдала Мэтью деньги, пока сестра сама не прознала об этом, но стоило Эрис даже допустить такое в мыслях, она невольно сбавила шаг.

Эрис пробежалась пальцами по фреске, написанной на воротах, украшенных кованым железом. Рассматривать ее во всех деталях было куда интереснее, чем думать о сестре. Получеловек-полукозел, или, как его называли, Тварь, стоял на коленях посреди кровавого моря и смотрел на двух королей стародавних времен, Саулоса и Ананоса. Из пасти Твари торчали откушенные конечности, глаза с мольбой смотрели на правителей из-под

нависших век. Короли же выставили ладони вперед, точно намеревались сказать «нет». За чудовищем и трупами раскинулись поля, объятые огнем. На правой створке были изображены высокие дома и Храм, источавший свет.

Девушка поморщилась. *Кажется, сегодня я в роли Твари. Все пути ведут к моей гибели.*

Алебарда ждала на том месте, где Эрис ее оставила. Жаль, что никто ее не украл — не пришлось бы тащить эту тяжесть вверх по ступенькам. Мешочек на поясе позвякивал уже тише. Девушка поднималась по ступенькам, а мимо проносились прихрамовые конторы — горы, возвышавшиеся по бокам от лестницы, пестрели рядами окон и колоннами, выбитыми прямо в камне.

От приступа страха по рукам побежали мурашки. Нет, все-таки идея дурацкая. Рассказав Виктории о случившемся, можно только приблизить наказание. Девушка развернулась и пошла к баракам. *Еще денек.* Кара подождет до завтра.

Пехотинцы собрались посреди тренировочного поля — они снимали броню, обнажая длинные рубашки. Эрис бегло кивнула им и направилась в сторону порядочно отесанного каменного обрубка в самом конце поля. Когда-то это была высокая колонна, поддерживавшая храм, но за долгие годы ударов тупыми мечами она превратилась в тонкий столбик для отработки приемов.

Они с Констанцией часто устраивали тут поединки. Сестра предпочитала рапиру — тонкий, изящный меч, как нельзя лучше подходивший для ее любимых дальних атак. Эрис же орудовала кинжалом — проворным, очень «личным» оружием. Констанция постоянно побеждала, но проигрыш ни на что не влиял. Куда важнее то, что поединки со старшей сестрой были столь изнурительными, что Эрис, пускай и на краткий миг, ощущала в теле тот же трепет, как и во время землетрясения десять лет назад.

Вот только теперь Констанция жила иной жизнью. Жизнью «*чертовски хорошего врача*», как говорил про нее супруг. И все же

сестра была почти так же ловка в бою, как местные мужчины, когда для этого находилось время. Правда, нехватка регулярных тренировок не дала Констанции развить проворство и меткость, но она довольствовалась тем, что есть.

А я вот стала злодеем, которого так страшилась в детстве, с горечью подумала Эрис.

Статуи короля Саулоса и короля Ананоса возвышались над тренировочным полем, приветствуя солнце, клонящееся к закату. Солдаты рычали в унисон, отрабатывая атаки. Они двигались слаженно, как один. Эрис выхватила из ботинка свой кинжал — стилет вдвое длиннее ладони с латунной гардой, эфесом и рукоятью из ясеня, отделанной змеиной кожей. Девушка ударила лезвием по столбу — мгновением позже, чем рыкнули другие пехотинцы. Ей хотелось выбиться из докучливого ритма, звучавшего у нее в ушах.

Но тут в окне одной из контор, выбитом в известняке над полем, появилось красно-белое платье Виктории. Даже издали Эрис разглядела поджатые губы и вздернутый нос сестры.

Та обо всем уже знала.

Эрис поплелась по тропе к Храму. Она пересекла прихрамовую площадь и нырнула в маленькую арку. Подобно Вечному древу с его стройным стволом и бесчисленными корнями, дороги, расходящиеся в разные стороны от главных ворот, ветвились, и чем дальше они длились, тем сильнее сужались. Если верить священникам, короли желали, чтобы тропы в Административном квартале были как можно уже, дабы чиновники не слонялись по ним без дела, а сосредоточились на работе. Но город рос, а вместе с ним и количество служащих, и главная особенность квартала стала доставлять чересчур много неудобств. Особенно тропы были загружены вечерами: священники с чиновниками

толпились на них, надеясь подписать указы до окончания дня. Эрис с трудом протиснулась у самого краешка арки.

Мимо прошла группка священников в золотисто-белом облачении, подчеркнуто не замечая толпу. В руках одного из служителей была миска с маслом, а у другого — древесная кора. Третий нес раскрытую книгу и произносил текст, но при этом смотрел прямо перед собой. Глаза у Эрис заслезились от терпкого запаха благовоний.

— «...И два короля молниеносно победили Тварь, не прибегая к магии. Да будет благословен меч, который рассек его тело, и посох, что вернул заблудших слуг к свету. Мудрые короли узрели, что магия Твари порочна и разрушительна, и уничтожили это знание во веки веков...»

Эрис проникла в коридор вместе с толпой. Сердце забилось чаще. Стены потихоньку сужались, и на ее ладонях выступил липкий пот. *Ты не задохнешься, ты не умрешь*, твердила она себе шепотом. Быстро приподняв ногу, Эрис провела пальцами по кожаной подошве и нащупала кинжал. Дыхание стало ровнее.

Возле искусно украшенных дверей приемной Виктории столпились чиновники. Двери были забраны кованой узорчатой решеткой, увешанной множеством фальшивых замков, но эта хитроумная конструкция редко использовалась: Виктория никогда не покидала этого места. Страж, поставленный у входа, записывал на длинном свитке имена, которые ему выкрикивали посетители. Эрис не успела рта раскрыть, чтобы сообщить о своем появлении, как он поманил ее к себе.

— Вас ждут, — объявил он.

Эрис нервно сцепила руки. Она надеялась, что ее имя окажется в самом конце списка и что короли смилостивятся над ней и вовсе избавят сегодня от встречи с Викторией. Страж отступил, пропуская девушку в приемную, а потом к нему снова хлынула толпа.

В нос тут же ударили благовония, и девушка поморщилась. Сосуды с ними были расставлены по всей комнате. На столах из орехового дерева высились кипы пергаментных листов, свитков, потертых красных печатей, а вот мраморный стол Виктории был идеально убран. За спиной у сестры стояли три пустых трона — на случай, если явятся советники, управлявшие городом, вот только Эрис ни разу их тут не видела. Человек повеликодушнее сказал бы, что советники заняты другими делами где-то на территории Храма, но девушка их оправдывать не собиралась.

К ее радости, рядом с Викторией стояла Констанция. Она прижимала к столу развернутый свиток. Взгляды сестер встретились, и Констанция улыбнулась Эрис. В уголках ее глаз проступили тонкие морщинки — напоминание о долгих трудах в поле.

Виктория не глядя обмакнула перо в чернильницу — расстояние между той и рукой, которой она писала, было тщательно выверено. Потом сестра достала печать, окунула в сосуд с алой краской, оставила отпечаток на бумаге и вернула печать в коробочку.

— Доверюсь твоему мнению, — сказала Виктория Констанции, — но только если ты в нем тверда.

— Я сама его обучу. Он не опасен.

— Иначе — смерть. Соглашусь, что это будет ощутимая потеря. Все-таки мы не короли стародавних времен.

На Виктории был треугольный головной убор, отороченный пышным муслином, скрывавшим черные волосы. Шелковое платье было отделано мехом, плечи прикрывали рукава с прорезями, в которые проглядывал слой красной ткани. Поверх платья был надет кожаный табард^{*} с золотисто-белым изображением королевского символа — Вечного древа. Эрис направилась к сестрам, перебирая перепачканными ботинками по каменному полу.

^{*} Короткая накидка (нередко без рукавов) с разрезами по бокам. Часто украшена гербом владельца.

— Смотри, кто пришел, — шепнула Констанция. — Давайте поговорим с глазу на глаз. Надо ей рассказать...

Виктория вскинула взгляд.

— Я дала тебе шанс, — отчеканила она, глядя на Эрис и пропустив мимо ушей предложение сестры. — Велела собрать налог с жителей Нижнего квартала. Что может быть проще?

Эрис стиснула зубы, чтобы только не сказать лишнего. Будь все так просто, Виктория и сама бы управилась. А между тем речь шла о людях, а не о бездушных источниках удобств, и Виктория, по сути, забирала у них пищу, пряча это за красивыми речами. Эрис сделала глубокий вдох. Если верить Констанции, дыхательные упражнения часто могут выручить, но что-то они ни разу не затыкали Викторию.

— Ну будет тебе, Виктория, — вмешалась Констанция. — Ты ведь поручила ей ровно то, что нас разорило десять лет назад. Это мучительная работа.

— И необходимая. Я бы еще простила ее за неспособность собрать...

— «Неспособность» — грубовато сказано.

— Ладно. Не собрать налоги — это еще полбеды. Но раздавать городские деньги...

Констанция повернулась к Эрис:

— Я знаю, почему ты так поступила, но теперь надо спокойно донести это до Виктории.

— Причины меня не интересуют, — отрезала Виктория. — Город на грани восстания. Убытки нужно возместить...

— *Виви*, — с нотками раздражения в голосе перебила ее Констанция. — Логика — это не панацея. Выслушай ее.

Но не успела Эрис и рта раскрыть, как кто-то окликнул Констанцию, заглушив на миг гам в коридоре. На пороге появился человек в окровавленном фартуке и с красными руками.

— Меня ваш муж послал, — запыхавшись, сообщил он. — Вы нам нужны!

Констанция быстро поджала губы, но все же закончила свою мысль:

— Виктория, нельзя взимать налоги с тех, у кого ничего нет. Но и раздавать чужие деньги неправильно, Эрис.

— Подумаешь, несколько керинов. Город от этого не обеднеет! — возразила Эрис. — Не могла же я...

— *Стащи!* — нетерпеливо позвал человек с окровавленными руками.

Констанция сдвинула брови. На ее лице проступила тень вины.

— Мне придется...

— Ничего страшного. Иди. — Эрис слотнула. Увы, разочарование, пригвоздившее ее тяжелым камнем, от этого не улетучилось. — Я справлюсь сама.

Не успела Констанция выйти из приемной, как Виктория продолжила свою тираду.

— Ты как-то сказала, что служба в пехоте тебе не по нраву. А я тогда ответила, что новичкам всегда нелегко и надо сперва потрудиться ради будущих наград. И все равно возложила на тебя серьезную ответственность. Теперь понимаю, что сильно поспешила...

— Да с него взять было нечего! — вспылила Эрис, забыв о совете Констанции сохранять спокойствие. — Ты сама-то давно была в полях? Там живет все хуже и хуже. Людям есть нечего. А мне теперь приходится из них налоги выбивать. А ведь и с нами так было! Что, не помнишь уже? А он так похож на...

— На кону сейчас заботы гораздо важнее одного-единственного бедняка, умирающего от голода, — отмахнулась Виктория. — Нам нужны деньги, чтобы платить стражам за их работу.

Кешгиум в смертельной опасности. Вообрази, что на нас снова напала Тварь, как некогда на королей стародавних времен!

— Беженцы не угроза, — возразила Эрис. — Ты платишь горожанам за то, чтобы они их прогоняли. Обрекаешь их на гибель под палящим солнцем, а ведь мы сами чудом ее избежали почти десять лет назад.

— Мы не можем допустить, чтобы город наводнили новые толпы. У нас нет на это ресурсов. Богадельня Стаци и Сиваса уже по швам трещит...

— Тогда давайте построим новые богадельни вместо того, чтобы платить охране.

— Ты еще совсем ребенок, — сказала на это Виктория. — И ничего не смыслишь в управлении. Богадельни на пустом месте не строятся.

Ее снисходительный тон лишь распалил Эрис.

— Сидишь тут взаперти со своими абстрактными идеями, а сама ведь и знать не знаешь, что вижу я...

— Тебе нужно кое-что понять об устройстве мира. — Ледяной голос Виктории рассек смутный шум, доносившийся из коридора. — Вот уже третий десяток лет нет урожая. С каждым днем сюда прибывает больше людей, а пищи, которую мы сюда ввозим, на всех не хватит. Если впустить слишком много беженцев, весь город начнет голодать. Народ гневается, и этот гнев надо сдерживать, пока не найдем решение. Поэтому нам и нужны налоги, которые ты не смогла собрать. Вместо этого ты спасла одного-единственного человека, отдав ему жалованье двадцати других. Разве это справедливый обмен?

— Будь он нашим отцом, ты все равно бросила бы его умирать, — горько произнесла Эрис, с усмешкой взглянув на платье сестры. — Конечно, ты же теперь Вторая. Совсем позабыла, как и почему мы тут оказались, — отчеканила она, и ее голос эхом отразился от каменных стен. — Восседаешь в своем

мраморном дворце, где тебя все обхаживают. Тебе ведь и дела нет до королей.

— Я прощу тебе эти слова, — непривычно ровным тоном проговорила Виктория. — Остановись, пока еще не поздно.

— Выслушиваешь всякие слезливые истории, чтобы только выслужиться, — продолжала Эрис, — а это ничем не лучше лжи.

Стул Виктории скрипнул по полу. В приемной воцарилась тишина. Эрис сжала кулаки и заставила себя посмотреть в холодные глаза сестры. Комната угрожающе нависла над девушкой. Плечи сковало напряжение, а ум отчаянно пытался высвободиться из-под гнета стен и толпы, теснившей ее сзади. Она чувствовала, как пощипывает от пота трещинки на ладонях, и чем сильнее сжималось пространство вокруг, тем быстрее иссякала ее бунтарская решимость.

Эрис опустила голову.

Виктория села. Стражи заметно расслабились, их броня скрипнула. Чиновники по-прежнему толпились у дверей, размахивая пергаментными листами.

— Завтра вернешься в Нижний квартал и соберешь все, что нам причитается, включая сумму, которую сегодня отдала, — отчеканила Виктория. — Уж что-нибудь у них да найдется. Как и у нас когда-то. Свободна.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

